

ДНЕВНИК ИСТОРИКА С.А. ПИОНТКОВСКОГО КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Сергей Андреевич Пионтковский был не вполне типичным «красным профессором». Он не знал нужды в детстве, как А.М. Панкратова, не был рабочим, как А.В. Шестаков, не служил комиссаром во время гражданской войны, как И.И. Минц. Сын профессора, выпускник Казанского университета, в гимназические и студенческие годы он участвовал в различных кружках и в партию вошел только в 1917 г. Он не был учеником М.Н. Покровского, как многие «красные профессора». В Москве он оказался в 1920 г., куда приехал по приглашению Покровского для разработки источников по истории Октябрьской революции. Здесь же он опубликовал главные свои труды.

Пионтковский вел дневник; сохранился и опубликован его текст с записями, относящимися к 1927–1934 гг. Поскольку Пионтковский был репрессирован, его дневник оказался в руках следователей. Дневник был перепечатан, рукопись, видимо, уничтожена, и до наших дней сохранились только ее машинописные копии. А.Л. Литвин, биограф Пионтковского и публикатор его дневника, предполагал, что рукопись была перепечатана полностью. Уточняя и дополняя наблюдения исследователя, необходимо указать на одно высказывание Пионтковского. 19 декабря 1929 г. он сделал такую запись: «В конце июня я поехал в Кисловодск. Здесь недели две читал газеты, а потом стал вести дневник» [1, с. 269]. И ниже: «В середине июля я стал записывать свои и чужие настроения и запись эту я тянул до конца августа. Последние записи я делал уже дома, после того как обскакал Тифлис, Аббас-Туман, Ереван, Батуми, Одессу, но начал я писать честно в Кисловодске» [1, с. 271]. Никаких кисловодских записей, датированных июлем 1929 г., в опубликованном дневнике нет. Следовательно, были страницы, не включенные в машинописную копию, а текст этой копии следует считать частью дневниковых записей историка.

Со временем Пионтковский отошел от Покровского и оказался в окружении Е.М. Ярославского, который в области истории большевистской партии играл ту же роль всемогущего лидера, какую Покровский играл в области русской истории. Под руководством Ярославского Пионтковский занимался историей партии большевиков. Местами его работы были Институт истории Российской ассоциации институтов по общественным наукам (РАНИОН), Институт Ленина, Коммунистическая академия, Коммунистический университет и некоторые вузы Москвы. Возвращаясь в свое однокомнатное жилье, он порой (когда выпадало время) занимался записями в дневнике. Вел он их нерегулярно – от случая к случаю, делая нередко большие перерывы и вспоминая те или иные события за довольно значительный срок, нарушая хронологию. В 1927 г. были сделаны 2 записи, в 1928 – 6, в 1929 – 7, в 1930 – 20, в 1931 – 8, в 1932 – 6, в 1933 – 2, в 1934 – 1. Историк записывал впечатления то от прошедшей недели, то от полутора месяцев, то от целого лета. Он как-то справедливо заметил: «Не писал бездну времени. Наверное, этот заголовок у меня становится стереотипной фразой» [1, с. 319]. Стиль работы над дневником во многом определил его содержание. События, которые наблюдал Пионтковский, освещены им с очень разной степенью подробности. Об одних он писал буквально «по свежим следам», о других – по прошествии более или менее длительного времени. Порой дневник больше напоминает мемуары. Так, запись, сделанная в 1927 г., называется «Друзья» и представляет собой воспоминания о друзьях, начиная с гимназической поры.

Ведение дневника историк почитал своеобразным долгом перед будущими поколениями: «То, что я пишу, это вовсе не записки Поприщина, не какие-нибудь размышления у парадного подъезда, – это записки коммуниста и революционера. Я кричу в будущее. Я пишу для того, чтобы люди социалистического общества, чтобы тогда, когда не будет этих уродливых кривуллек вместо улиц, когда не нужно будет думать об ордере на калоши, когда все будут заниматься наукой и все будут заниматься на фабрике, когда фабричное производство, сохранившее свой коллективный характер, потеряет свое свойство высасывать из человека соки, когда труд станет радостной функцией бунтующей плоти, чтобы тогда они прочитали мои записки и подумали о том, как мы строили социализм. Я-то ведь тоже строитель» [1, с. 418].

На страницах дневника Пионтковского запечатлено его восприятие «старых историков», оказавшихся в советской жизни, и «красных профессоров». С первыми Пионтковский сотрудничал в Институте истории РАНИОН. Его характеристики С.В. Бахрушина, Д.М. Петрушевского, А.И. Яковлева и др. – это портреты-наброски с живыми чертами, по сути – редкие свиде-

тельства, так как в дневниках других историков (М.В. Нечкиной, Н.М. Дружинина) подобных зарисовок личностей нет. К характеристике Бахрушина Пионтковский обращался неоднократно. Вот некоторые строки: «Огромный дядя с низеньким лбом, он как будто неплохо знает фактическую и документальную сторону русской истории, но ни черта не смыслит теоретически и лезет с остервенением в драку по всем вопросам» [1, с. 87]. «Это, несомненно, открытый классовый враг. Он прямо-таки претендует на роль председателя в российской науке. <...> Бахрушин определенно хочет работать с нами, стремится к этой работе, но, не отказываясь от работы, он очень упорно отказывается от нашего руководства и всеми силами пытается держать свою линию» [1, с. 177].

В записях за 1920-е гг. Пионтковский фиксировал случаи из жизни Института истории РАНИОН, где он не только работал как специалист, но и был членом президиума секции русской истории, членом бюро партийной организации, ученым секретарем, что позволяло ему быть в курсе многих событий. Его дневник – ценный источник по истории внутренней жизни Института истории. Субъективность во взглядах на людей и события у Пионтковского проявлялась в том, что он, «красный профессор» и солдат партии, смотрел на Институт как на фронт: «Здесь работа является уже не выражением внутрипартийной борьбы, а отражением всей классовой борьбы, идущей во всей нашей республике» [1, с. 86].

В дневнике Пионтковского есть страницы, освещающие его научную работу (в основном с организационной стороны). Это рассказы о подготовке к изданию сочинений В.И. Ленина, творческих замыслах, отчеты о том, что сделано. Как ни странно, в дневниках историков такого рода записей не так много. Ярким исключением является дневник М.В. Нечкиной, но ее рабочие записи хоть и многочисленны, но предельно кратки; чаще всего это перечини сделанного, прочитанного, отредактированного. В этом отношении Пионтковский более подробен, что является подспорьем для реконструкции его научной работы.

Дневниковые записи историка за 1930-е гг. показывают, что внимание Пионтковского сместилось с Института истории РАНИОН (он был закрыт) на Общество историков-марксистов, деятельность и личность Покровского («историк у него портил политика, а политик портил историка»), дискуссии внутри школы Покровского о торговом капитализме и о Народной Воле между Покровским и И.А. Теодоровичем.

В 1932 г. Пионтковский вместе с другими историками испытал на себе «проработку», как называли тогда партийную критику (политический анализ) его произведений. «Я-то никогда ни в каких оппозициях не был, а вообще все мы самым искренним образом преданы партии, – и вдруг мы оказались троцкистскими контрабандистами, фальсификаторами истории партии и большевизма. Ужасно трудно вести преподавательскую работу. На каждом шагу тебя ловят. Я очутился, как рыба, выброшенная на мель», – таков был психологический результат проведенной над ним операции товарищами по партии [1, с. 450, 456, 493].

Последняя запись от 23 марта 1934 г. содержит уникальный рассказ о том, как Пионтковского вызвали на заседание Политбюро ЦК партии по поводу подготовки новых учебников по истории, как шло обсуждение действовавших учебников, какие указания содержались в выступлении И.В. Сталина по поводу преподавания истории.

Рассказы о событиях личной жизни в дневнике Пионтковского перемежаются с его рассуждениями о политическом положении страны, обострявшейся классовой борьбе, которую он усматривал всюду и во всем, о внешнеполитических событиях. Все это обдумывалось им и преподносилось в дневнике с последовательно официальных позиций. Наряду с этим у Пионтковского прорывались выражения недоумения, сожаления и непонимания по поводу обвинения в меньшевизме его брата Андрея, определения классовым врагом Д.Б. Рязанова, необходимости ему писать покаянное письмо, признавая не только в действительных, но и в мнимых ошибках и пр. Здесь отразился взгляд на действительность 1930-х гг. глазами «красного профессора» с его официозной позицией и глубоко запрятанными сомнениями.

1. Дневник историка С.А. Пионтковского (1927–1934). – Казань : Казанский государственный университет, 2009 – 514 с.